

Н. В. Гоголь

"Ночь перед Рождеством".

Конахина О. А.

Аннотация.

Практическая значимость презентации заключается в возможности использования данных материалов в школьном учебном процессе, на уроках литературы, при изучении соответствующих хронологических периодов жизни и творчества Н.В. Гоголя.

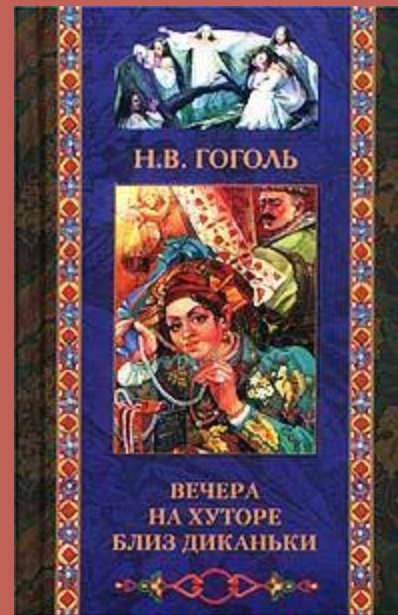
Конахина О. А.

«Вечера на хуторе близ Диканьки» - «...они изумили меня. Вот настоящая весёлость, искренняя, непринуждённая, без жеманства, без чопорности...»

А. С. Пушкин.

В начале 1830 года в «Отечественных записках» Свиньина были напечатаны «Вечер накануне Ивана Купала»; написаны «Сорочинская ярмарка» и «Майская ночь», «Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные пасичником Рудым Паньком», вышедшие в Петербурге в 1831 и 1832 годах, двумя частями (в первой были помещены «Сорочинская ярмарка», «Вечер накануне Ивана Купала», «Майская ночь, или утопленница», «Пропавшая грамота»; во второй — **«Ночь перед Рождеством»**, «Страшная месть, старинная быль», «Иван Фёдорович Шпонька и его тетушка», «Заколдованное место»).

Конахина О. А.

Тут через трубу одной хаты клубами повалился дым и пошел тучею по небу, и вместе с дымом поднялась ведьма верхом на метле.

А ведьма между тем поднялась так высоко, что одним только черным пятнышком мелькала вверху. Но где ни показывалось пятнышко, там звезды, одна за другою, пропадали на небе. Скоро ведьма набрала их полный рукав.. Вдруг, с противной стороны, показалось другое пятнышко, увеличилось, стало растягиваться, и уже было не пятнышко. Спереди совершенно немец ... разве по козлиной бороде под мордой, по небольшим рожкам, торчавшим на голове, и что весь был не белее трубочиста, можно было догадаться, что он не немец и не губернский стряпчий, а просто черт, которому последняя ночь осталось шататься по белому свету и выучивать грехам добрых людей.

Конахина О. А.

Между тем черт крался потихоньку к месяцу и уже протянул было руку схватить его, но вдруг отдернул ее назад, как бы обжегшись, пососал пальцы, заболтал ногою и забежал с другой стороны, и снова отскочил и отдернул руку. Однако ж, несмотря на все неудачи, хитрый черт не оставил своих проказ. Подбежавши, вдруг схватил он обеими руками месяц, кривляясь и дуя, перекидывал его из одной руки в другую, как мужик, доставший голыми руками огонь для своей люльки; наконец поспешно спрятал в карман и, как будто ни в чем не бывал, побежал далее. В Диканьке никто не слышал, как черт украл месяц.

Конахина О. А.

«Что людям вздумалось расславлять, будто я хороша? — говорила она, как бы рассеянно, для того только, чтобы об чем-нибудь поболтать с собою.— Лгут люди, я совсем не хороша». Но мелькнувшее в зеркале свежее, живое в детской юности лицо с блестящими черными очами и невыразимо приятной усмешкой, прожигавшей душу, вдруг доказало противное. «Разве черные брови и очи мои,— продолжала красавица, не выпуская зеркала,— так хороши, что уже равных им нет и на свете? Что тут хорошего в этом вздернутом кверху носе? и в щеках? и в губах? Будто хороши мои черные косы? Ух! их можно испугаться вечером они, как длинные змеи, перевились и обвились вокруг моей головы! Я вижу теперь, что я совсем не хороша! — И, отдвигая несколько подалее от себя зеркало, вскрикнула:— Нет, хороша я! Ах, как хороша! Чудо! Какую радость принесу я тому, кого буду женою! Как будет любоваться мною мой муж! Он не вспомнит себя. Он зацелует меня насмерть.

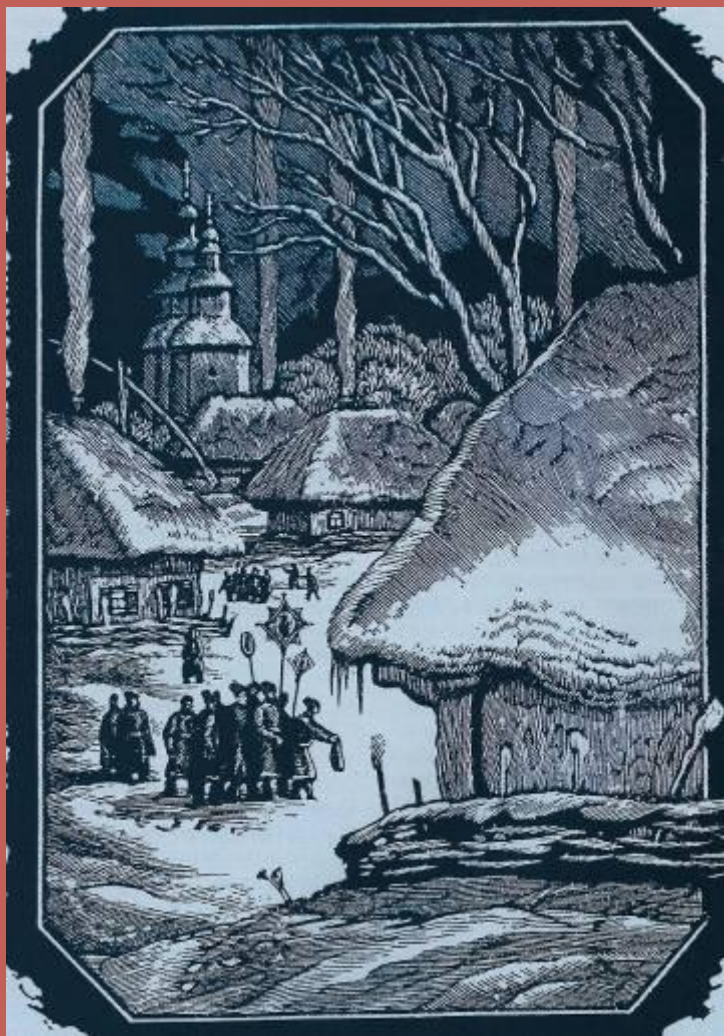
— Чудная девка! — прошептал вошедший тихо кузнец,— и хвастовства у нее мало! час стоит, глядясь в зеркало, и не наглядится, и еще хвалит себя вслух!

Конахина О. А.

- Чудная, ненаглядная Оксана, позволь поцеловать тебя! — произнес ободренный кузнец и прижал ее к себе, в намерении схватить поцелуй; но Оксана отклонила свои щеки, находившиеся уже на не приметном расстоянии от губ кузнеца, и оттолкнула его.

Конахина О. А.

**Чудно блещет месяц!
Трудно рассказать, как
хорошо потолкаться в
такую ночь между
кучею хохочущих и
поющих девушек и
между парубками,
готовыми на все шутки
и выдумки, какие
может только внушить
весело смеющаяся
ночь. Под плотным
кожухом тепло, от
мороза еще живее
горят щеки; а на
шалости сам лукавый
подталкивает сзади.**

Конахина О. А.

Черт между тем не на шутку разнежился у Солохи: целовал ее руку с такими ужимками, как заседатель у поповны, брался за сердце, охал и сказал напрямик, что если она не согласится удовлетворить его страсти и, как водится, наградить, то он готов на все: кинется в воду, а душу отправит прямо в пекло. Солоха была не так жестока, притом же черт, как известно, действовал с нею заодно.

Конахина О. А.

Кузнец рассеянно оглядывал углы своей хаты, вслушиваясь по временам в далеко разносившиеся песни колядующих; наконец остановил глаза на мешках: Зачем тут лежат эти мешки? их давно бы пора убрать отсюда. Через эту глупую любовь я одурел совсем. Завтра праздник, а в хате до сих пор лежит всякая дрянь. Отнести их в кузницу!

Конахина О. А.

- Куда, Вакула? - кричали парубки, видя бегущего кузнеца.

- Прощайте, братцы! - кричал в ответ кузнец, - даст бог, увидимся на том свете; а на этом уже не гулять нам вместе. Прощайте, не поминайте лихом! Скажите отцу Кондрату, чтобы сотворил панихиду по моей грешной душе. Свечей к иконам чудотворца и божией матери, грешен, не обмалевал за мирскими делами. Все добро, какое найдется в моей скрыне, на церковь! Прощайте!

Проговоривши это, кузнец принялся снова бежать с мешком на спине.

Пацюк, верно, крепко занят был галушками, потому что, казалось, совсем не заметил прихода кузнеца, который, едва ступивши на порог, отвесил ему пренизкий поклон.

Конахина О. А.

... кум набрел на мешки и остановился в изумлении.
- Вишь, какие мешки кто-то бросил на дороге! - сказал он, осматриваясь по сторонам,- должно быть, тут и свинина есть. Полезло же кому-то счастье наколядовать столько всякой всячины! Экие страшные мешки! Положим, что они набиты гречаниками да коржами, и то добре. Хотя бы были тут одни паляницы, и то в шмак: жидовка за каждую паляницу дает осьмуху водки. Утащить скорее, чтобы кто не увидел

Конахина О. А.

- Посмотрим, что-то лежит тут,- закричали все, бросившись развязывать.
 - Ах, тут сидит кто-то! - закричали все и в испуге бросились вон из дверей.
 - Что за черт! куда вы мечетесь как угорелые? - сказал, входя в дверь, Чуб.
 - Ах, батюко! - произнесла Оксана, - в мешке сидит кто-то!
 - В мешке? где вы взяли этот мешок?
 - Кузнец бросил его посреди дороги,- сказали все вдруг.
 - Чего ж вы исвугались? посмотрим. А ну-ка, чоловиче, прошу не погневиться, что не называем по имени и отчеству, вылезай из мешка!
- Голова вылез.

Конахина О. А.

А пойдет ли, бывало, Солоха в праздник в церковь, надевши яркую плахту с китайчатою запаскою, а сверх ее синюю юбку, на которой сзади нашиты были золотые усы, и станет прямо близ правого крылоса, то дьяк уже верно закашливался и прищуривал невольню в ту сторону глаза; голова гладил усы, заматывал за ухо оселедец и говорил стоявшему близ его соседу: «Эх, добрая баба! Черт-баба!».

Конахина О. А.

- Помилуй, батько! не гневись! вот тебе и нагайка: бей, сколько душа пожелает, отдаюсь сам; во всем каюсь; бей, да не гневись только! Ты ж когда-то братался с покойным батьком, вместе хлеб-соль ели и магарыч пили.

Чуб не без тайного удовольствия видел, как кузнец, который никому на селе в ус не дул, сгибал в руке пятаки и подковы, как гречневые блины, тот самый кузнец лежал у ног его. Чтоб еще больше не уронить себя, Чуб взял нагайку и ударил его три раза по спине.

- Ну, будет с тебя, вставай! старых людей всегда слушай! Забудем все, что было меж нами! Ну, теперь говори, чего тебе хочется?

- Отдай, батько, за меня Океану!
Чуб немного подумал, поглядел на шапку и пояс: шапка была чудная, пояс также не уступал ей; вспомнил о вероломной Солохе и сказал решительно:

- Добре! присылай сватов!

- Ай! - вскрикнула Оксана, переступив через порог и увидев кузнеца, и вперила с изумлением и радостью в него очи.

- Погляди, какие я тебе принес черевики! - сказал Вакула,- те самые, которые носит царица.

- Нет! нет! мне не нужно черевиков! - говорила она, махая руками, не сводя с него очей,- я и без черевиков... Далее она не договорила и покраснела.

Заключение.

Ночь перед Рождеством... По поверьям это время принадлежит нечистой силе. Именно в эту ночь она особенно сильно беспокоит христиан. С появлением первой звезды на Рождество всякая нечисть надолго пропадает. Так все считали, пока мир не узнал о фантастических приключениях гоголевских персонажей в его произведении «Ночь перед Рождеством, Или вечера на хуторе близ Диканьки».

«Вечера на хуторе близ Диканьки» - сказки, где черты повседневной жизни стоят, как яблони весной, осыпанные таинственным серебром легенды. Из-за чуба седого «дида», перехватившего «горилки», выглядывает то рогатая голова черта, то морда мистической свиньи; ведьмы в монистах угощают приятелей галушками, пока казак режется «в дурня» и не без хитрости крестит карты под столом.

а О. А.

Все чернобровые и белорукие Оксаны или женихи их, простодушные гиганты кузниц, эти старые воеводы с непроницаемым взором и нависшими седыми усами – все это перемешалось в «Вечерах...» с уморительными столкновениями бранчливых баб и трусливых дьяков.»

«Вечера...» - книга фантастических происшествий. Народная фантастика переплетается с реальностью, проясняя отношения между людьми, разделяя добро и зло. Торжество человека над злом – фольклорный мотив. Писатель наполнил его новым содержанием: он утверждал мощь и силу человеческого духа, способного обуздать темные, злые силы, которые хозяйничают в природе и вмешиваются в жизнь людей. Его герои – яркие, запоминающиеся личности, в них нет противоречий. Писателя не интересуют детали, частности их жизни, он стремится выразить главное – дух вольности, широту натуры, гордость, живущие в «вольных казаках». В его изображении это, по словам Пушкина, «племя поющее и пляшущее».

Конахина О. А.

